

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Павла Владимировича Лукина
на тему: «Вече в социально-политической системе средневекового
Новгорода», представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Вынесенная на защиту диссертация П.В.Лукина «*Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода*» представляет собой фундаментальное по содержанию и виртуозное по форме исследование одной из наиболее загадочных общественно-политических традиций Древней Руси – новгородского вече.

Актуальность данного исследования очевидна. Социальная психология констатирует, что местные стратегии образования общественных форм (patterns) – своего рода языки коммуникации – уходят своими корнями в прошлое и связаны с социально-политическими традициями Средневековья. От особенностей этих стратегий в значительной мере зависит в какой степени и как человек отвечает требованиям современного гражданского общества со всей его экономикой и культурой.

Развитие новгородской социально-политической традиции – центральной ветви древнерусской традиции – было искусственно прервано. В измененной форме, в виде отдельных очагов, она сохранилась лишь на территории Русского Севера. Вот почему расшифровка общественно-политических форм средневекового Новгорода является на порядок более сложной задачей, чем исследование таких форм применительно к Московской Руси.

В связи с этим для того, чтобы оценить эту работу имеет смысл вначале рассмотреть методы, используемые П.В.Лукиным, и их соотношение с методами, сложившимися в области изучения новгородской истории и новгородских древностей.

Если говорить образно, то система методов, предложенная П.В.Лукиным подобна системе оптических приборов, которые позволяют соотнести изучаемое явление – новгородское вече - с точно установленными социальными и политическими явлениями и процессами. В связи с этим приоритетными для исследователя являются документальные источники новгородского

происхождения (договорные грамоты Великого Новгорода с князьями, Новгородская судная грамота, «Устав о мостех» и др.) и отчеты ганзейских купцов 1292, 1331, 1410-20-е гг., которые непосредственно соприкасались с государственными институтами Новгорода и, в том числе, с вечевыми порядками. Эти уникальные документы, часть которых автор диссертационного исследования вводит (благодаря новым переводам) в научный оборот, с фотографической точностью изображают конкретные правовые практики и действия вечников, а также демонстрируют роль тех или иных институтов Новгорода и доверенных лиц великих князей.

Материалы новгородского летописания (главным образом XII – XIII вв.) П.В.Лукин подвергает многоуровневому контекстному анализу, проявляя не только великолепное знание новейшей литературы по истории летописания, но и тонкое источниковедческое чутье, позволяющее «читать» текст на уровне смысловых интонаций. Учитывается время и круг возможных авторов летописного известия. Анализируется соотношение позиций новгородского, суздальского и южнорусского летописцев, взаимосвязь социального и конфессионального оценочных регистров. Применительно к известиям, предшествующим времени Ярослава Мудрого, можно было бы порекомендовать исследователю более активно использовать наблюдения устной истории о 70-летнем (применительно к летописцу 1070-х гг.) «рубеже памяти», за которым, как известно, одни рассказы отбрасываются, а другие синтезируются, перекраиваются и стереотипизируются, обращаясь постепенно в устную традицию.

Украшением работы П.В.Лукина является разбор социальной терминологии новгородца - автора *«Повести о взятии Константинополя крестоносцами»* а также терминологический анализ употребления слова «вече» в ранних славянских и древнерусских памятниках. Этим, впрочем, не исчерпываются методические новации автора диссертации. Данные об общественном быте новгородцев, полученные из древнерусских источников, системно сопоставляются им с близкими явлениями, зафиксированными у западных славян (главным образом поморских и полабских) а также народов Северной и Каролингской Европы и эпизодически сравниваются с известиями о вечевых собраниях Северо-Восточной Руси и западнорусских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского.

Система методов, предложенная П.В.Лукиным адекватна предмету исследования. Между тем нельзя не заметить, что она весьма сильно отличается от комплексного источниковедения, которое доказало свою плодотворность прежде всего на новгородских материалах. Так исследователь выборочно и с некоторой осторожностью, использует сфрагистические и археологические данные, не предпринимает собственных микроисторических разысканий, хотя и демонстрирует хорошее знание просопографических исследований при идентификаций должностных лиц.

В той мере, в которой подобная позиция способствует «чистоте эксперимента», она не вызывает возражения. В.Л.Янин, в заключении к книге «Новгородские посадники» писал, что при создании общей концепции истории Новгородского государства его выводы по истории посадничества *«должны быть подвергнуты перекрестной проверке»* исследованиями других институтов власти: тысяцких, купеческих старост, владычного управления («Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 494). Вече, разумеется, также должно изучаться самостоятельно, и сделанный П.В.Лукиным творческий выбор методов здесь может быть весьма полезен.

Однако при этом нельзя упускать из виду, что в ряде случаев игнорирование комплексных методов может приводить к некоторым искажениям картины, получаемой в ходе исследования. Этот «оптический эффект» сродни случаям, когда законы геометрической оптики оказываются недостаточными и когда необходимо учитывать явление дифракции. В случае исторического исследования речь идет о ситуациях, когда информативность, полнота и достоверность основного используемого источника должна проверяться другими источниками посредством специального локального исследования. Ниже я постараюсь проанализировать подобные ситуации.

Теперь несколько слов о проблематике. Выводы работы всецело построены на изучении источников. В тоже время автора живо интересуют концептуальное осмысление вечевых порядков Новгорода в историографии. П.В.Лукин отказывается от услуг «земско-вечевой» теории (В.И.Сергеевич, А.И.Никитский, М.Ф.Владимирский-Буданов, М.А.Дьяконов), видевшей в вече орган власти всего населения Новгородской земли, хотя и признает ее роль в «открытии» северных народоправств. Значительно ближе ему представления В.О.Ключевского о вече как городском органе власти. П.В.Лукин последовательно

спорит с взглядами И.Я.Фроянова, который возрождает земско-вечевые интерпретации.

Столь же последовательно П.В.Лукин не приемлет представления Л.В.Черепнина о «государственно-феодальном» характере новгородского социума в довотчинный период и концепцию В.Л.Янина о вече как сугубо боярском институте, которую П.В.Лукин накрепко связывает с первой (с. 33, 34). На самом деле, В.Л.Яниным на основании археологических и письменных источников был описан генезис новгородского боярства от организаторов сбора дани до владельцев вотчин, прослежена их ведущая роль в политической системе Новгорода. Все эти наблюдения базируются на источниках. Что касается общих социологических интерпретаций полученных данных, то В.Л.Янин рассматривает их (в том числе и модель Л.В.Черепнина) как сугубо инструментальные и приходит к выводу, что в довотчинный период фонд черных земель Новгородской земли являлся «*корпоративной собственностью веча*» (Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 274).

Автор диссертационного исследования солидаризируется с Б.Н.Флорей в том, что господствующей социальной группой Новгорода XII-XIII вв. была не дружинная элита, как в других древнерусских землях, а «*новгородская городская община*» во главе с боярами, но включавшая в себя и иных горожан (Флоря Б.Н. Новгородская земля в XII-XIII вв. // История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 2006). П.В.Лукин отмечает, что эти представления находят подтверждение в летописных рассказах о походах сотен сборщиков дани на Север и в археологических находках цилиндров для замыкания мешков с пушниной в горизонте XI в. усадьбы Е Троицкого раскопа (в XII – начале XIII в. принадлежала Мирошкиничам) – прямом свидетельстве о том, что новгородцы собирали дани задолго до 1136 г. Превосходно ориентируясь в работах В.Н.Флори, диссертант умалчивает, что трактовка «*Новгородцев*» как «коллективного кормленщика» – неразрывно связана с представлениями о «служебной организации» как важнейшем элементе общественного уклада Руси XII-XIV вв. – как на княжеско-дружинном Юге и Северо-Востоке, так и на Новгородском Севере.

В главах III и IV П.В.Лукин анализирует новгородское вече от времени его сложения до конца XIII в. Виртуозный анализ источников позволяет автору извлечь дополнительную историческую информацию из летописных и иных

известий, которая, в ряде случаев, оставалась непрочитанной его предшественниками.

По мнению П.В.Лукина, вече Новгорода не являлось преемником племенных собраний новгородских словен, но представляло собой новое явление, возникшее одновременно с появлением города (Рюрикова городища). Это мнение, которое не имеет строгого обоснования источниками, тем не менее, заслуживает внимания и требует сопоставления летописных свидетельств с археологическими данными. Автор мог бы проанализировать материалы, полученные на Любытинском археологическом комплексе на Мсте, в котором видят один из племенных центров словен, результаты раскопок Рюрикова городища. Что касается времени сложения Новгорода на его нынешнем месте, то П.В.Лукин полагает, что известие Константина Багрянородного о княжении в Немогогарде сына Игоря Святослава (около 945 г.) относится к Рюрикову городищу (с. 89). Между тем на раскопах Троицкий-Х-ХI наиболее ранняя застройка древнейшего поселка Людина конца, поставленная частью на поле, а частью на лугу, имеет порубочные даты 926 - 939 гг. Таким образом, оказывается, что создание нового города из трех поселков, собравших элиту словен, кривичей и чуди, совершенно не отразилось в преданиях, которые легли в основу Повести временных лет и Новгородской первой летописи.

В главе V автор диссертационного исследования обращается к изучению веча во второй половине XIII – XV в., рассматривая его функции, количество и социальный состав участников, проблему «золотых поясов», способы избрания должностных лиц и «Совет господ». В разделе, посвященном количеству вечников, П.В.Лукин соглашается с предложенной В.Л.Яниным реконструкцией вечевого площади на Ярославовом дворище (40 x 50 м или 1800 – 2000 кв. м), но, опираясь на расчеты по швейцарским кантональным собраниям, дожившим до наших дней (4 человека на 1 кв. м площади) полагает, что вместимость площади составляла 4 - 8 (реально до 6) тысяч человек. Эти оценки отличаются от предложенных В.Л.Яниным (до 500 человек). В оценке размеров площади П.В.Лукин опирается на анализ Д.В.Пежемского, участвовавшего в последних раскопках в районе Николо-Дворищенского собора в 2007 г. (Пежемский Д.В. Археологический облик «вечевых» площадей Великого Новгорода // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. / Отв. ред. М.М.Кром. СПб., 2012). К этому следует добавить, что площадь у южных ворот Николо-Дворищенского собора (1113 г.) изображена на плане Г.Охлопкова 1732 г.,

поэтому имеющиеся археологические данные позволяют скорее не «искать» площадь, но проверять насколько границы 1732 г. соответствуют тем границам площади, которые имели место в период новгородской независимости. На территория к югу от Никольского собора уверенно локализуется Ярославов двор (церкви Прокопия 1359 г, Св. отцов 318 в Нике 1429 г., Мироносицкая церковь 1445 г. – Андреев В.Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // Новгородский исторический сборник. № 2.Л., 1984). Западной границей двора являлась Михайловская улица, за которой располагался Готский двор. Эти данные совпадают со свидетельствами немецких документов о проходе через княжий двор, которым ходили с Готского на немецкий двор. К северу от Никольского собора, между ним и церковью Параскевы Пятницы, граница площади и торгового рынка маркирована обнаружением следов лавок в раскопе 7 (А.В.Арциховский, 1939) – она практически не изменилась к 1732 г. Сложнее всего ответить на вопрос распространялась ли площадь к западу от улицы, соединявшей ее со Славной улицей, то есть на территории позднейшего Гостиного двора. Следует заметить, что в древности здесь начинался склон холма к Волхову (высота холма составляла 6 м – Петрова Л.И. «...Иоанна Предтечи на Петрятине дворе» // Великий Новгород в истории средневековой Европы. . М., 1999). Судя по тому, что в 20 м к западу от границы Гостиного двора была обнаружена бревенчатая конструкция здания длиной 17 м (раскоп 15 А.В.Арциховского), вечевая площадь распространялась до границы позднейшего Гостиного двора. Таким образом реконструкция В.Л.Янина не противоречит имеющимся данным.

Что касается расчетов П.В.Лукина (4 человека на 1 кв.м), то они находятся на пределе нормативов по эвакуации населения (5 человек на 1 кв. м), между тем, по Славной улице, ширина которой составляла 5 - 6 м, к Волховскому мосту должны были проходить более половины вечников. В связи с этим реальное количество вечников не могло превышать 4 тысячи человек.

Разбирая ганзейский отчет о событиях 1331 г., П.В.Лукин отмечает, что один из «господ», трактовавший волю веча немцам, был Матфей Козка, старший сын Варфоломея Мишинича, ставший в 1332 г. посадником. По предположению В.Л.Янина, он являлся адресатом берестяной грамоты № 5, найденной на усадьбе Б Неревского раскопа. Думается, что микроисторические исследования должностных лиц, упоминаемых в ганзейских документах могло бы пролить

дополнительный свет на соотношение имущественного, кланового и статусного «аргументов» в выборе лиц, которые реально выражали волю веча.

Необходимо прокомментировать и главу VII, посвященную проблеме «народного ополчения», которая позволяет автору диссертации внести значительный вклад в понимание функций веча как органа управления Новгородской землей. Тщательно анализируя «социальную» лексику летописцев, П.В.Лукин уверенно фиксирует присутствие «смердов» в войске, наряду с княжескими дружинами и городским полком новгородцев. Однако вместо того, чтобы найти наиболее адекватное объяснение этого явления, автор диссертационного исследования спорит с абстрактной историографической формулой - «военная организация населения независимая от князей». Если не принимать в расчет известий о привлечении боевых холопов из боярских вотчин (так в известии 1444 г. говорится о «сельниках» лужский водских и ихорских бояр), то речь идет о ранних формах «посохи», которая осуществлялась тысяцкими на основе повинности свободного служебного населения участвовать в походах (либо как воины, либо в составе обеспечения войск). Ярчайшим свидетельством здесь действительно является слова новгородского летописца о суздальских войсках перед Липицкой битвой 1216 г. («бѣше бо погнано из поселѣй до пѣшца»). Во время битвы враждующие силы были разделены «дебрью» (верховье Гзы к востоку от Мстиславля изобилует и сегодня низинами, отделяющими опольные участки друг от друга – в древности они были заняты непроходимым сырым широколиственным лесом), причем Ярослав и Юрий не захотели выйти из прикрытия. Тогда новгородцы слезли с коней и сменили сапоги на какие-то обмотки, на время превратившись в «пешцев». Пройдя через дебрь они смяли суздальских «пешцев». Весь этот рассказ, исполненный аристократизирующей спесью, может быть понят лишь в том случае, если суздальские селяне - пешцы были полками «посохи», то есть «черными» людьми из волостей, а не боевыми холопами при боярах (о них в этом рассказе нет речи).

В эти подробности можно было бы не входить, если бы они не были прямо связаны с обсуждаемым в диссертации (с. 497) вопросом о фиксации оружия на селищах Суздальской земли (в отличие от окраинных земель княжества) в ходе исследований Н.А.Макарова (*Makarov N. Social elite at rural sites of the Suzdal Region in North-Eastern Russia // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements. / Ed. Jan*

Klápště. Volume 9. Turnhout: Brepols Publishers, 2013). Подобные явления в новгородской земле только еще предстоит исследовать.

Существенно дополняет работу вынесенный в приложение раздел, посвященный месту веча в системе власти Новгородской республики. Здесь автор диссертационного исследования справедливо указывает на аналогии политического устройства Новгорода с Венецией и другими коммунами Центральной и Западной Европы и затрагивает вопрос о правовых основах Новгородского государства, который принадлежит к числу наименее изученных. Он цитирует «Слово о знамении», где говорится; *«Сице бо живущем Новгородцем владеяху областями по своей воли, **яко им Бог поручил**, а князя держаща по своей воли»*. Можно порекомендовать автору в перспективе сопоставить выводы, полученные по этой теме при изучении новгородского веча с наблюдениями В.А.Бурова (Буров В.А. Сакральные основы государственного устройства Новгорода XII-XV вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 2. Тверь, 2007).

Сделанные замечания не ставят под сомнение результаты творческого исследования П.В.Лукина, который на основе оригинальных методик контекстного анализа летописных источников, привлечения документального материала и компаративного исследования смог внести существенный вклад в изучение одной из центральных проблем социально-политической истории русского Средневековья. Можно считать обоснованным, что вече на всех этапах его эволюции было собранием свободных горожан – членов кончанских организаций.

Проделанный анализ работы склоняет меня к выводу, что в перспективе это важное заключение может существенно дополнить представления о Древней Руси XII-XIV вв., как обществе, где доминировали отношения, построенные на кормлениях и служебной системе. В тоже время именно в Новгороде на протяжении XIII в. эти отношения дополняются отношениями, основанными на крупной вотчинной собственности тех самых боярских кланов, которые составляли некогда целостное сообщество, известное летописи как «новгородцы». Таково социальное содержание вечевого строя.

Не менее важным результатом работы является понимание веча как социокультурной технологии принятия решений («стать вечем»), которая сформулирована П.В.Лукиным как «единачество» и которая открывает нам те самые стратегии образования общественных форм или языки

коммуникации, которые должны в перспективе стать предметом самого острого внимания гуманитарных наук о прошлом России.

Автореферат отражает структуру, основные положения и заключения диссертации П.В. Лукина. Материалы и выводы диссертационного исследования нашли полное отражение в публикациях соискателя, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях.

Основные положения диссертации всесторонне обоснованы. Исследование Павла Владимировича Лукина выполнено на высоком профессиональном уровне и соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении научных степеней» (№ 842 от 24.09.2013 г.), а его автор заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Дата

31.04.2015 г.

Подпись

Подпись руки

ЗАВЕРЯЮ:

Ст. инспектор по кадрам

Чернов Сергей Заремович

Доктор исторических наук

Ведущий научный сотрудник

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института археологии Российской Академии наук

(Москва. Ул. Дмитрия Ульянова, д.19. тел. 84991264798 ia.ras@mail.ru)